

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

На правах рукописи

Норик Борис Вячеславович

**АНТОЛОГИИ ХАСАНА НИСАРИ И МУТРИБИ САМАРКАНДИ
КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
МАВЕРАННАХРА XVI — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII вв.**

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург
2005

Работа выполнена в секторе Среднего Востока Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.

Научный руководитель:

кандидат филологических наук АКИМУШКИН Олег Федорович

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор БОЛЬШАКОВ Олег Георгиевич

кандидат филологических наук ПРИГУЛА Антон Дмитриевич

Ведущая организация:

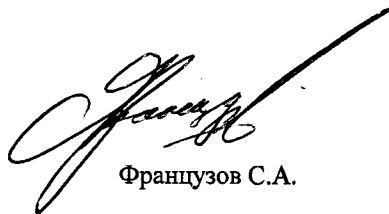
Санкт-Петербургский государственный университет

Защита состоится «17» июня 2005 г. в 11 часов на заседании Диссертационного совета Д 002.041.01 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора исторических наук при Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН по адресу: 191186 Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.

Автореферат разослан «14» мая 2005 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета, кандидат исторических наук

Французов С.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Предметом данного диссертационного исследования стали источники по истории деятельности литературных кругов, сыгравших большую роль в культурной жизни Мавераннахра и Хорасана XVI — первой трети XVII вв.

В средневековых Иране и Средней Азии литература была преобладающим родом «культурной работы», ставя остальные виды культурной деятельности в зависимое положение. Учёные, врачи, музыканты, каллиграфы... Все эти представители различных профессий могли принадлежать к одному литературному кругу. Любовь к литературе объединяла их, а знание поэтики являлось обязательным в системе образования тех лет. Поэтому, читая средневековые поэтические антологии (*тазкира*), мы обнаруживаем, что большинство их героев не являются профессиональными поэтами (число последних весьма невелико), но скорее относятся к категории *адипов*, то есть эрудитов, начитанных людей. Так, врач мог быть прекрасным поэтом, но вот поэт неподражаемым врачом стать не мог. Врач или учёный, будучи разносторонне одарённым человеком, мог писать великолепные стихи или музыкальные произведения, являясь, таким образом, активным участником культурной жизни своего города и повышая свой престиж в обществе. Увлечение литературой в рассматриваемый период было всеобщим: стихами можно было выразить всё, начиная с любовного объяснения и заканчивая прошением или нецензурным поношением. За удачный остроумный экспромт могли простить пролитую человеческую кровь, могли озолотить и возвысить. Литература была и средством пропаганды, и способом выражения своих мыслей, эмоций. В связи с этим, изучение деятельности литературных кругов является важным шагом на пути воссоздания историко-психологического портрета мавераннахрского общества избранного периода.

Именно поэтому в данной работе автора в первую очередь интересовала система функционирования литературных кругов, интересовали биографии отдельных *адипов*, сыгравших значительную роль в истории региона, взаимоотношения внутри поэтических сообществ, взаимные связи поэтических сообществ в границах одного региона, межрегиональные культурные связи. Особое внимание было уделено культурным связям Мавераннахра и Индии, усиление интенсивности которых отмечается во второй половине XVI в. Тем не менее, в связи с тем, что жанр *тазкира* — это жанр литературно-исторический, в целом ряде случаев автор не мог отбросить некоторые реалии литературоведческого и филологического порядка, предоставленные избранными источниками.

Б И Б Л И О Т Е К А
СПбФ Ин-та востоковедения
РАН

Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью исторического значения деятельности литературных кругов в Мавераннахре XVI — первой трети XVII вв. Данное исследование представляет собой попытку сделать шаг по пути создания стройной и связанной картины социальной и культурной жизни Мавераннахра в её преломлении через насыщенные богатым фактологическим материалом антологии указанного региона на протяжении ста тридцати лет.

Степень разработанности проблемы. Долгое время XVI в. относился к «тёмным векам» в истории среднеазиатской литературы. Самые именитые исследователи персидской литературы (органической частью которой тогда была литература Средней Азии) называли Джамии (817—898/1414—1492) «последним из могикан», после которого начинается эпоха упадка¹. Тем не менее, исследования второй половины XX в. (ведущую роль в которых играли советские учёные) показали, что литературная традиция в Средней Азии не прервалась: мы находим там значительное число культурных деятелей, оставивших заметный след в истории региона и, поэтому, заслуживающих самого пристального внимания.

Труды В.В. Бартольда, явившегося родоначальником систематического научного изучения Средней Азии, стали основополагающими исследованиями для постижения культурного процесса в данном регионе. Что же касается основных вех на пути изучения литературной жизни Средней Азии, то они были намечены в статье Е.Э. Бертельса «Литература на персидском языке в Средней Азии» (Советское Востоковедение. V. М.—Л., 1948. С. 199—228). Автор статьи даёт схематический очерк развития литературы в Средней Азии и констатирует полную, на тот момент, неосведомлённость учёных о подробностях функционирования литературной жизни тех лет. То время для историков среднеазиатской литературы было периодом поиска и введения в научный оборот наиболее важных источников для своих исследований. Е.Э. Бертельс считал, что на начальном этапе, во избежание блуждания в дремучем лесу огромного числа совершенно неизвестных имён, необходимо изучать жизнь и творчество отдельных авторов. Именно по этому пути пошло изучение среднеазиатской литературы в Советском Союзе.

В одном ряду со статьёй Е.Э. Бертельса стоит сообщение А.М. Мирзоева об изучении таджикской литературы [Мирзоев А.

¹ Arberry A. Classical Persian Literature. N-Y., 1958. P. 396; Browne Ed. A history of Persian literature under Tartar dominion (A.D. 1265—1502). Cambridge, 1920. P. 548. См. также: Занд М. Шесть веков славы. М., 1964. С. 213.

К вопросу об изучении таджикской литературы XVI—XIX вв. // Материалы Первой всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте. Ташкент, 1957. С. 718—726]. В 1957 г. А. Мирзоев считал ближайшими задачами «среднеазиатского» литературоведения следующие моменты: 1. изучение и выяснение сущности литературы второй половины XVI, XVIII и первой половины XIX в. 2. более углублённое изучение литературы первой половины XVI, XVII и второй половины XIX в. (эти исследования предполагалось вести по трём направлениям: издание монографий об отдельных представителях литературной жизни, подготовка критических изданий и публикация избранных сочинений) 3. изучение литературных связей Средней Азии с другими регионами (Иран, Индия — здесь отметим работу самого А. Мирзоева [Мирзоев А. Из истории литературных связей Мавераннахра и Индии во второй половине XVI — начале XVII вв. М., 1963]).

Из вышесказанного следует, что к 1957 г. по интересующему нас периоду была предварительно изучена первая половина XVI и первая треть XVII вв. Вторая же половина XVI в. так и осталась terra incognita.

Огромное значение для избранной темы имеют работы А.Н. Болдырева, введшего в активный научный оборот крайне важный источник по истории культуры Средней Азии на рубеже XV—XVI вв. — «Бада'и' ал-вака'и'» Зайн ад-Дина Васифи.

Наиболее удачной из всех работ на таджикском языке по нашей теме можно считать книгу У. Каримова «Адабиёти тоҷик дар асри XVI» (Душанбе, 1985). Эта работа является серьёзным шагом на пути реконструкции литературной жизни Средней Азии. Большую часть книги составляет довольно основательный анализ целого ряда источников, имеющих первостепенное значение для изучения среднеазиатской литературы XVI в. Во второй части книги автор касается основных особенностей развития литературных кругов в главных городах Мавераннахра, а также уделяет некоторое внимание литературным жанрам, существовавшим в то время. В этой монографии автор стремится обобщить накопленный предшественниками материал, поскольку необходимость этого уже давно назрела.

Из зарубежных исследователей хотелось бы отметить канадскую исследовательницу М.Е. Субтельни. Уделяя основное внимание вопросам экономической политики Тимуридов и Шибанидов, Субтельни касается и вопросов культуры Средней Азии [Subtelny M.E. A Taste for the Intricate: The Persian Poetry in the Late Timurid Period // Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft. Band 136. Heft 1. 1986. P. 56—79; Subtelny M.E. Art and Politics in Early 16th Century Central Asia // Central Asiatic Journal. Vol. 27. No. 1—2. 1983. P. 121—148].

О поэтических антологиях Хасана Нисари и Мутриби Самарканди, избранных нами в качестве основы изложения материала, был написан целый ряд статей, наиболее важными из которых являются две [Ахмедов Б.А. Тазкира Мутриби как источник по истории и культуре XVI-XVII вв. // Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. М., 1984. С. 36—43; Бехруз М.Х. Тазкира Мутриби как источник по дариязычным поэтам // Памятники истории и литературы Востока. Период феодализма. Статьи и сообщения. М., 1986. С. 91—103]. Но и эти статьи не лишены некоторых неточностей, которые автор настоящего исследования исправляет. Статья А.Н. Болдырева [Болдырев А.Н. Тезкире Хасана Нисари, как новый источник для изучения культурной жизни Средней Азии XVI в. // ТОВГЭ. Т. III. С. 291—300], будучи небольшой по объёму, не сообщает никаких сведений о биографии Хасана Нисари. В данной работе диссертанту удалось восполнить отдельные пробелы в биографиях наших авторов за счёт активного использования сочинения Мутриби «Та'рих-и Джахангири», избранного в качестве третьего базового источника. Последнее сочинение ещё только начинает входить в активный научный оборот (нам не удалось обнаружить ни одной специальной статьи, посвящённой этому источнику, а упоминания о нём в статьях о Мутриби мимолётны). В то же время, этот источник сообщает нам очень много ценных сведений, уточняющих данные «Тазкират аш-шу'ара» Мутриби, а также даёт возможность более полно изложить биографию его автора.

Таким образом, несмотря на обилие монографий и статей, избранная тема остаётся до сих пор неразработанной.

Цели и задачи исследования. Цель данного диссертационного исследования — создание связной картины функционирования литературных кругов, игравших активную роль в социальной и культурной жизни отдельных городов Средней Азии, на протяжении ста тридцати лет (XVI—первая треть XVII вв.), доказывающей, что указанный период не является эпохой культурного упадка исследуемого региона. В связи с этим, основной задачей, стоящей перед автором, было обстоятельное исследование трёх базовых источников, имеющих первостепенное значение для избранной темы, с учётом максимального возможного числа публикаций, посвящённых культурной жизни Мавераннахра указанного периода. Вместе с тем, для уточнения сведений, сообщаемых в базовых источниках, автор использовал целый ряд вспомогательных источников.

Источники. В данной работе источники условно разделяются на три категории: базовые, основные и вспомогательные. Базовыми

источниками являются три сочинения — «Музаккир-и ахбаб» Хасана Нисари, «Тазкират аш-шу'ара» и «Та'рих-и Джахангири» Мутриби Самарканди. По мнению автора, эти источники создают прочную базу для реконструкции деятельности литературных кругов Мавераннахра указанного периода. В них приводятся сведения более чем о шести стах *адибах*, сведения о литературных вкусах и стилях в Мавераннахре той эпохи. Основными мы называем источники, имеющие большое значение для изучения нашей темы, и достаточно часто привлекаемые нами для уточнения сведений базовых источников. И, наконец, к вспомогательным мы относим источники, спорадически привлекаемые для уточнения сведений базовых источников, а также источники, носящие справочный характер (например, трактаты по поэтике).

Методология. В основе исследования лежит сравнительно-исторический метод. Кроме того, привлекались методы источниковедения (эвристика, герменевтика). Следует отметить, что при рассмотрении культурной жизни первой половины XVI в. автор принимает за основу преимущественно сведения антологии Хасана Нисари, а для второй половины XVI — первой трети XVII в. — сведения антологий Мутриби Самарканди.

Научная новизна данного диссертационного исследования заключается в одновременной основательной проработке трёх источников, являющихся базовыми для реконструкции деятельности литературных кругов Мавераннахра XVI — начала XVII вв.

Теоретическая значимость работы определяется выявлением значения литературных кругов и их влияния на политическую и культурную жизнь отдельных городов Мавераннахра, Хорасана и Бадахшана. В работе показано, что рассматриваемый период не является эпохой упадка среднеазиатской литературы и культуры, как это ранее было принято считать в традиционной отечественной историографии. С этой целью в данной работе впервые вводится в научный оборот целый ряд эпизодов из избранных источников. Кроме того, имена некоторых *адибов* прозвучат на русском языке впервые — сведения о них пока можно почерпнуть только из наших базовых источников.

Практическая значимость. Материалы данного исследования могут быть использованы в качестве основы для чтения специальных курсов и создания учебных пособий по истории среднеазиатской культуры XVI — первой трети XVII вв.

Апробация исследования. Некоторые результаты исследования были изложены в докладе на конференции «300 лет иранистики в Санкт-Петербурге» (28-30 апреля 2003 г. Восточный факультет СПбГУ), а также опубликованы в виде статьи в журнале «Письменные памятники Востока» (Вып. 1 (2). 2005 г.).

Структура и объём работы. Данное диссертационное исследование состоит из введения, двух разделов, десяти глав, заключения, списка использованных источников и исследований, списка сокращений, а также приложения. Общий объём работы составляет 349 машинописных страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** подчёркивается актуальность темы, её научная новизна, говорится о степени разработанности проблемы, теоретической и практической значимости работы, определяется предмет, методология, цели и задачи исследования.

РАЗДЕЛ I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ГЛАВЫ

ГЛАВА 1 посвящена обзору источников. В этой главе основное внимание уделяется базовым источникам данного исследования, которые, по мнению диссертанта, являются основой для реконструкции историко-литературного процесса в Мавераннахре XVI — первой трети XVII вв. Значительное место здесь занимают биографические сведения об авторах наших антологий, извлечённые из их собственных сочинений (особенно, «Та'рих-и Джахангири»). Хочется отметить, что имена Хасана Нисари и Мутриби Самарканди неразрывно связаны друг с другом. Мутриби был учеником Нисари и до самой смерти своего наставника, последовавшей в 1004/1595-96 г., частенько навещался в Бухару, где жил Нисари (родным городом самого Мутриби был Самарканд). Оба этих человека являются авторами антологий, причём *тазкира* Мутриби является естественным продолжением *тазкира* Нисари. И всё же, это были два разных человека. Нисари — крайне религиозен, сдержан, иногда даже суховат. Мутриби — умеренно религиозен, более откровенен, порой, даже, простоват. Нисари относился к элите общества, Мутриби — к его средним слоям (ему приходилось зарабатывать на жизнь перепиской и «гастрольными» поездками по городам и весям Мавераннахра, Бадахшана и Индии). Все эти обстоятельства отразились на стиле изложения авторов наших базовых источников. Так, антология Нисари более выдержана, стилизована и отредактирована. В ней мы практически не находим никаких двусмысленных историй и повествований о щекотливых вопросах. Весь текст чётко и подробно структурирован по плану «жив — скончался» и «в Бухаре — не в Бухаре». Антология же Мутриби построена по иному принципу — памятки о поэтах располагаются в порядке *абджада*, что превращает его сочинение в довольно удобный справочник. Мутриби ориентируется не только на правителей, но и на всех умеющих читать и интересующихся литературой людей. Так, в «Та'рих-и Джахангири» он выражает надежду на то, что всякий мусульманин, изучивший его труд, прочтёт над его могилой *Фатиху* [ТД. Л. 2а]. Именно поэтому его сочинение написано более простым языком и стилем: в нём мы находим значительное число забавных, а,

порой, просто неприличных историй. В то же время, Мутриби, как и его учитель, был приверженцем сочинения «искусственных» стихов, которые он в больших количествах помещает на страницах своей антологии. Наш автор признаётся, что начал писать своё «Тазкират аш-шу'ара» (сост. 1013/1604-05 г.) в ответ на сочинение Суфи Балту «Рийяз аш-шу'ара», в котором последний не вспомнил о многих поэтических фигурах [ТШ. Л. 1926—1936]. Таким образом, мы можем сказать, что «Тазкират аш-шу'ара» Мутриби носит ярко выраженный литературоведческо-филологический характер. Что же касается второй антологии Мутриби, «Та'рих-и Джахангири» (сост. 1034—1037/1625—1628), то она может быть аттестована как «историческая», поскольку в ней автор нередко приводит подробные экскурсы в историю. Отметим, что вторая антология Мутриби примерно на половину повторяет первую, однако, значительное число памятков приводятся в несколько ином виде, что позволяет уточнить сведения его первого *тазкира*. Кроме того, здесь упоминается целый ряд поэтов, служивших аштарханидским правителям и вельможам. Таким образом, использование «Та'рих-и Джахангири» вместе с «Тазкират аш-шу'ара» делает картину деятельности литературных кругов Мавераннахра второй половины XVI — первой трети XVII в. ещё более полной и интересной.

В этой же главе кратко разбирается ряд основных («Маджалис ан-нафа'ис» Нава'и, «Бада'и' ал-вака'и» Васифи, «Хабиб ас-сийяр» Хвандамира, «Бабур-нама» Бабура) и вспомогательных источников (малоизвестное сочинение Кати'и Харави «Маджма' аш-шу'ара-йи Джахангиршахи», имеющее большее значение для изучения ирано-индийских литературных связей).

ГЛАВА 2. ТИМУРИДЫ И ШИБАНИДЫ.

Данная глава представляет собой краткий обзор событий, формировавших историческую среду, в которой функционировали литературные круги Мавераннахра. Начало XVI столетия ознаменовалось переходом власти от Тимуридов (771—913/1370—1507) к Шибанидам (906—1009/1500—1601). Глава последней, Шейбани-хан, погибает в битве с шахом Ирана Исма'илом Сафави (правил 907—930/1501—1524). Продвижение кочевых узбеков на запад было остановлено. В их рядах начинается паника. Однако вскоре положение нормализуется: Исма'ил, по просьбе Мухаммад-Тимура и 'Убайдаллаха, отказывается от вторжения в Мавераннахр. Однако Хорасан, с центром в Герате, остаётся для узбеков потерянным. Шесть походов 'Убайдаллаха не привели к желаемому результату. Мечта 'Убайдаллаха была осуществлена 'Абдаллахом II, в последние десять лет правления которого Герат переходит под власть узбеков. 'Абдаллах умер в 1006/1598 г., а

его сын, 'Абд ал-Му'мин, был убит через шесть месяцев, в том же году, в результате заговора. После этого ханский трон был предложен Джанибек-султану б. Йар-Мухаммад-хану, бежавшему из Астрахани и обласканному Шибанидом Искандар-ханом. Однако тот отказался. У Джанибека было три сына — Дин-Мухаммад-хан, Баки-Мухаммад-хан и Вали-Мухаммад-хан (Дин-Мухаммад-хан при 'Абдаллахе управлял Нисой и Бавердом, а его братья находились на службе у хана). После отказа Джанибека на трон был возведён Дин-Мухаммад. Но вот кызылбаши нападают на Хорасан. Три брата героически сражаются, однако, потерпев поражение, они вынуждены бежать в Мавераннахр. Отколовшийся от своих братьев Дин-Мухаммад был убит и ограблен в районе Кундуза. Братья же его благополучно добрались до Мавераннахра. Там их приняли с радостью, и Баки стал править в Бухаре, а Вали — в Балхе. Баки умер через семь лет после восшествия на трон. На его место встал Вали, но тут его «понесло»: «...он большую часть времени проводил в питье вина и во хмелю, а также в занятиях другими неодобрительными делами, вроде утех с луноликими мужчинами и с ароматноносными женщинами» [Муким-ханская история. С. 73—79]. Имам-Кули-хан и Надир-Мухаммад-султан (сыновья Дин-Мухаммад-хана) решили отнять престол у Вали. Но тот бежал к шаху 'Аббасу. Последний послал войско. Поначалу испугавшись, Имам-Кули с благословения Хваджи Хашими вступил в битву с кызылбаши и одержал победу. Вали был схвачен и казнён. Было это в 1019/1611 г. Имам-Кули воцарился в Бухаре на целых тридцать восемь лет, проявив себя энергичным политиком и покровителем культуры, а Надир-Мухаммад отправился управлять Балхом.

ГЛАВА 3. ПОЭЗИЯ И ПОЭТЫ.

Эта глава посвящена рассмотрению понятия *ши'р* (поэзия), а также функции поэзии и поэта в средневековом персидском обществе. Надо сказать, что функции эти сохранялись неизменными на протяжении многих столетий. И, хотя, наиболее яркие и подробные картины, их описывающие, черпаются из источников домонгольского периода (например, «Чахар Макала»), все они практически без изменений проецируются и на литературную жизнь постклассического периода, имеющую, впрочем, и ряд особенностей.

ГЛАВА 4. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ ТИМУРИДСКОЙ И ШИБАНИДСКОЙ ЭПОХ.

Тимуридская эпоха характеризовалась пышным расцветом культуры, обусловленным, во-первых, относительным политическим спокойствием и, во-вторых, активным покровительством со стороны

тимуридских правителей, заинтересованных в создании образа просвещённого тюркского правителя (каковыми многие из них в действительности и являлись). Можно сказать, что первая половина XV в. подготовила тот всплеск литературной деятельности конца этого столетия, тот факел литературной традиции, который в начале XVI в. перешёл от Тимуридов в руки Шибанидов. Несмотря на то, что факел этот они удержать не сумели, в культурном отношении некоторые представители династии кочевых узбеков стояли на одном уровне с самыми выдающимися людьми тимуридской эпохи.

Основными особенностями литературы XV—XVII вв. были искусственность стиля (напомним, что авторы наших базовых источников также были сторонниками сочинения «искусственных» стихов) и активное участие всех слоёв населения в литературной жизни. Действительно, в те времена каждый лавочник и даже разбойник были активными участниками этой жизни. Более того, поэзия была, также, «предметом домашнего обихода», причём, не только в виде отрывков, украшавших стены домов, но и в виде эпиграфических надписей на самих этих предметах.

Одной из характерных черт рассматриваемого периода было чрезвычайное распространение суфийской поэзии. Однако, не забывая о роли суфизма в развитии региональных языков, отметим, что суфийская поэзия несколько однообразна, ей свойственны использованные одних и тех же образов, а также чрезмерная многословность.

Ещё одной особенностью литературной жизни XV—XVI вв. было так называемое двуязычие, то есть многие поэты сочиняли стихи и по-персидски, и по-тюркски. Ещё Шахрух и Байсункур способствовали развитию литературы на среднеазиатском средневековом литературном тюрки. Тем не менее, наивысшего расцвета литература на тюрки достигла во второй половине XV в. и связано это было с именем ‘Али-Шира Нава’и. Литературный подвиг Мир ‘Али-Шира не пропал даром — его произведения не умерли и до сих пор остаются путеводной нитью для всех желающих приобщиться к персидской литературе на языке тюрки. И всё же, такого всплеска развития литературы на тюрки, какого можно было бы ожидать после деятельности Нава’и, не последовало. Даже напротив, Нава’и один создавал ощущение целой эпохи. Его наследия хватило бы на то, чтобы создать славу не одному тюркоязычному поэту. Последующая же эпоха была посвящена осмыслению его творчества. Сам Нава’и был подражателем (безусловно, гениальным) по отношению к персидской литературе, а последующие поколения поэтов по большей части явились подражателями самому «великому эмиру». В этом смысле всплеска быть не могло — ведь Нава’и всё уже сделал, подняв язык тюрки до уровня достижений персидской литературы той эпохи. И теперь оставалось

наносить лишь отдельные штрихи. Персидский язык продолжал оставаться основным языком литературы и в XVI в. (особенно во второй его половине). Сама антология Нава’и была переведена на персидский язык (для Селима I в Турции, Сам-мирзы в Иране и, в конце XVI в., для Дин-Мухаммада-шибанида) в силу её непонятности. Существование третьего перевода для Шибанида Дин-Мухаммада свидетельствует о том, что к концу своего правления династия Шибанидов приспособилась к местным традициям, окончательно и полностью приняв культуру оседлого населения, в чём им немало помогали иранцы-переселенцы из Хорасана.

Итак, для персидской литературы наступает новый период существования — период регионального дробления. На рубеже XV и XVI вв. в силу политических, социально-экономических и религиозных причин произошёл раскол некогда единого литературного пространства, в результате чего начался процесс национального обособления ряда регионов в области языка и литературы. Политическая изоляция хоть и не была столь прочной, но всё же способствовала некоторому культурному разделению Мавераннахра, Индии и Ирана, что привело к формированию самостоятельных ответвлений на древе персидской литературы, общим корнем которых было наследие гератской литературной школы XV в.

РАЗДЕЛ II. ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА МАВЕРАННАХРА XVI — первой трети XVII вв.

ГЛАВА 5. ЦАРСТВЕННЫЕ ПОЭТЫ.

Эта глава посвящена правителям и членам правящей династии, которые писали стихи или покровительствовали поэзии. Надо сказать, что многие представители династии Шибанидов были весьма образованными людьми. Среди них мы находим прекрасных поэтов и страстных покровителей культуры (например, ‘Убайдаллах и его сын, ‘Абд ал-‘Азиз). При этом многие из них отличались большой набожностью. Из чтения соответствующего раздела «Музаккири-и ахбаб» и «Тазкират аш-шу‘ара» создается впечатление постепенного оживления культурной жизни в течение всего XVI в. Поначалу культурная жизнь при дворе замерла: либо во главу угла ставились политические задачи, а к культурным реалиям обращались постольку, поскольку они подходили для решения этих задач (Шейбани-хан), либо соответствующие правители не были готовы к восприятию (в силу недостаточного образования) культурного наследия, доставшегося им от Тимуридов (Кучкунджи-хан). С течением времени, как в силу относительного политического спокойствия, так и благодаря деятельности

таких культурных посредников, как Васифи, положение изменилось. Мы можем наблюдать своеобразное раскрепощение культурной жизни: правители принимают в ней всё большее участие. Но настоящего расцвета она достигает в эпоху ‘Абдаллаха II (правил 991—1006/1583—1598). Своей интенсивности культурная жизнь не теряет в смуте, порождённой переходом власти от Шибанидов к Аштарханидам, что хорошо видно из антологий Мутриби. Аштарханиды довольно долго находились в сфере культурного влияния Шибанидов, и им не требовалось много времени на то, чтобы впитывать в себя нечто новое. По сути, они уже были носителями культуры предшествующей династии.

ГЛАВА 6. ПОЭТЫ ГЕРАТА И ИХ РОЛЬ В КУЛЬТУРЕ РЕГИОНА.

Если в XV в. в сфере культурной жизни мы видим полное преобладание столицы тимуридского государства, Герата, продолжавшееся до захвата его войсками Шейбани-хана в 912/1507 г., то после данного события его монополия в этой области рушится, и город превращается в поставщика культурных деятелей для основных центров интеллектуальной и духовной жизни государства Шибанидов, сохраняя при этом значение самостоятельного центра культуры. В целом, литературная жизнь Хорасана (с центром в Герате), несмотря на все политические нестроения, не угасла. С начала до середины XVI в. источники упоминают более ста пятидесяти *адибов*, живших и творивших в Хорасане. Тем не менее, наблюдается некоторый застой в развитии культуры и литературы, явившийся неизбежным следствием напряжённой политической обстановки. Многие *адибы* покидают Герат и отправляются в Индию или Мавераннахр, где становятся активными проводниками литературной школы бывшей столицы Тимуридов. Поэтому число гератских *адибов* второй половины XVI в., упоминаемых в наших *тазкира*, весьма невелико. Мутриби вспоминает лишь немногих (Хичи Харави, Йатими Харави, Самуми Харави, Гази Каландар).

ГЛАВА 7. ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУГ САМАРКАНДА.

В Самарканде рассматриваемого нами периода существовал достойный литературный круг как с точки зрения количества *адибов*, так и с точки зрения качества литературной продукции). При этом в первой половине XVI в. придворная литература в этом городе не была вполне развита, что связано с недостаточным уровнем образованности многих первых шибанидских правителей, недооценивавших, поэтому, всё значение и прелесть существования при дворе литературной службы. Потому-то литературная жизнь переместилась на базары, в

лавки торговцев, в дома некоторых знатных людей и, даже, простолюдинов. Получить одобрение своих сочинений при дворе можно было только при помощи посредников, пользующихся доверием у правителя. Во второй половине XVI в. положение изменяется, и придворная литература получает большее распространение. Наши источники (особенно Мутриби) дают нам значительное число имён (более сотни) блестящих *адибов*, живших в Самарканде во второй половине XVI в. (Афзали, Ашки, Тали‘и Самарканди, Назими, Халиди и др.).

ГЛАВА 8. ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУГ БУХАРЫ.

По масштабам литературной (и вообще культурной) работы Бухара занимала ведущее место в государстве Шибанидов. Это было связано с деятельностью ‘Убайдаллах-хана, который «гораздо лучше понимал исключительное политическое значение хорошо поставленного придворного центра культурной жизни и принимал меры к поддержанию его деятельности»². Литературный круг при бухарском дворе «делился как бы на две палаты. Верхняя состояла из самого хана и нескольких его личных собеседников. Это учитель хана Махмуд Балхи, по прозвищу «Азизан», поэты Афсари и Хафиз Мираси, одновременно занимавшие важные придворные посты, мавлана Наим Нишапури. Эти входившие в ближайшее личное окружение хана люди, видимо, всегда находились при нем в ставке, составляя особый кружок, замкнутый даже по отношению к высшему слою бухарской знати. Руководителем «нижней палаты» литературного круга являлся бухарский шейхалислам Хашими... Дом Хашими являлся местом сбора всей поэтической братии, входившей в этот кружок. Только один Хашими, уже в силу своего сана, имел право непосредственного сношения с ханом. Через Хашими направлял хан свои литературные заказы... Хашими отвечал за своевременное и высококачественное выполнение этих заказов. Для поддержания на должном уровне технического мастерства членов поэтического цеха Хашими подвергал их своеобразной муштре, заставляя ежедневно составлять подражания на произведения классических поэтов — Дихлави, Джами, Катиби и других. «Было решено, чтобы ежедневно писалось по одной газели, которую надлежало вручать Ходже», — рассказывает Васифи, находившийся в числе испытуемых»³. Надо сказать, что крупные богословы-мударрисы, *шайхи*, *амиры*, участвуя в литературной жизни и всячески способствуя её развитию, тем не менее, не были зависимы от кружка Хашими (среди них — ‘Исам ад-Дин Ибрахим, Хусайн Туркистан, Хафиз Ибрахим, Хафиз Султан-Али Убахи и ряд других).

² Болдырев А. Н. Зайналдин Васифи. Сталинабад, 1957. С. 153.

³ Там же. С. 153—154.

Во второй половине XVI в. бухарский литературный круг достиг наивысшего расцвета. Это было связано с политикой 'Абдаллаха II (при нём в меньшей степени проявлялись суннитско-шиитские противоречия, заметно усилились тенденции к централизации) и широкой меценатской деятельностью одного из самых влиятельных *амиров* хана, Кулбабы Кукельташа. Оба этих человека прекрасно разбирались в поэзии, и сами писали стихи. Не случайно поэтическим именем (*тахаллусом*) Кулбабы стало слово «Мухибби» («любовь, дружба»). Первые аштарханидские правители, также, оказывали покровительство поэтам, они шли, что называется «по накатанной схеме». Особенно выделялись Имам-Кули-хан и его *амир* Йадгар-курчи. Мутриби упоминает более 80-ти *адибов*, участвовавших в деятельности бухарского литературного круга во второй половине XVI — первой трети XVII вв. (Асвади Бухари, Амини Хиййабани, Дарвиш-'Али, Ибн Йамин, Мушфики, два поэта Нахли, Тураби и др.).

Основным отличием бухарского литературного круга от самаркандского является большее распространение придворной поэзии. В то же время, во второй половине XVI в. грани между придворной и «народной» поэзией несколько стираются. Просторечная лексика проникает и в панегирики, что хорошо видно на примере творчества одного из крупнейших бухарских поэтов рассматриваемого периода, Мушфики. Этот поэт был великим мастером художественного слова и поэтической техники. В его творчестве уживались пышные оды, нежные лирические *газали*, философские сентенции, колкие эпиграммы и непристойные поношения. Притом, что Мушфики был главой придворных поэтов, он одновременно являлся и народным бардом. В то же время, то обстоятельство, что 'Абдаллах отдал предпочтение «разгульному» Мушфики, а не сдержанному и изысканному Хафиз-и Танышу, говорит о литературных вкусах той эпохи. Представляется, что в этом отношении расстояние между правящей верхушкой, средними и низшими слоями общества заметно сократилось. В литературной жизни города принимали активное участие самые различные слои общества (Галтак Муштзан — борец, Лаййки Бухари — земледелец, Лафи Ташкенти — хлопкоцёс, Лами'и Бухари — изготовитель зеркала).

ГЛАВА 9. ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА ДРУГИХ ОБЛАСТЕЙ ШИБАНИДСКОГО ГОСУДАРСТВА И МЕСТО В НЕЙ ПОЭЗИИ.

Из всех остальных областей государства Шибанидов особенно выделялся город Балх. С географической точки зрения он представлял собой единое целое с областью Хорасан, с политической — находился в руках Шибанидов-суннитов. Поэтому в литературном отношении

эта область стояла ближе к Мавераннахру. Источники называют несколько десятков просвещённых мужей, имевших отношение к литературе и живших в Балхском *вилайате*. К сожалению, из наследия этих *адибов* до нас дошли лишь разрозненные *бейты*. По стилю и сути своей литературная деятельность в Балхе была близка таковой в Бухаре, то есть при достаточно сильной городской литературе преобладала придворная. Иначе обстояло дело в Шахрухийе и Ташкенте, где преобладала городская литература. С первой четверти XVI в. здесь существовали литературные *маджлисы*. При правителе Ташкента Кельди-Мухаммад-хане, уделявшем больше внимания науке и литературе по сравнению со своим отцом Суйунч-Хваджа-ханом, можно говорить о своеобразном «раскрепощении» культурной жизни. Тем не менее, по количеству культурных деятелей и качеству литературной продукции Ташкент значительно уступает столичным городам. В области культурной жизни Ташкент тяготел к Самарканду, где учились или совершенствовались многие культурные деятели этого города. Надо сказать, что в Ташкенте в рассматриваемый период усилилась роль чагатайского языка. По приказу Суйунч-Хваджи ряд произведений были переведены с персидского языка на тюркский. Для Науруз-Ахмад-хана был подготовлен прекрасно оформленный список «Бустана» Саади на чагатайском языке. Официальные документы ташкентских владетелей, в отличие от Бухары и Самарканда, составлялись на тюрки. Отметим, что заметную роль в повышении образовательного уровня ташкентских правителей сыграл Зайн ад-Дин Васифи, прошедший последние годы жизни в Шахрухийе. Однако, в XVII в. культурная жизнь в Ташкенте приходит в упадок. Кроме того, среди литераторов мы видим представителей из Хисара, Бадахшана и Ферганы. Но здесь литературные круги были весьма невелики и серьёзной роли в общем процессе не играли. Наши источники называют около сотни поэтов, живших в периферийных городах Мавераннахра в течение всего рассматриваемого нами периода (например, Салихи из Хисара, Хиджри из Балха, Шийда, Амини Ма'рикагир, *маддах* Абдал-султана Дайри Ташканди, Зардаки Хисари, Фани Гидждувани, Хиргахи и др.).

ГЛАВА 10. СВЯЗИ МАВЕРАННАХРА И ИНДИИ В СФЕРЕ ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ.

Одной из характерных черт исследуемого периода является расширение культурных (в первую очередь литературных) связей Мавераннахра и Индии. Индия занимает прочное место в едином пространстве персидской литературы с началом походов Махмуда Газнави в 1000 г. В XII в. после падения государства Газнавидов, эстафету принял Делийский султанат, возглавляемый мусульманской династией Гуридов. В XIV в. Делийский султанат пал под натиском войск

Тимура. С этого времени в Лахоре, бывшим до этого центром литературной жизни в Индии, наступает застой. Культурная активность перемещается в Бенгалию, Гуджарат и Кашмир, ставший центром культурной жизни Индии в XV в. Здесь процветает переводческая деятельность с санскрита на персидский и с персидского на санскрит. С XVI в. начинается новый этап развития персоязычной литературы Индии — выходец из Средней Азии, Бабур, образует империю Великих Моголов. Мавераннахр вторгается в индийское пространство. Хронологические рамки нашей работы как раз соответствуют раннемогольскому периоду (XVI — первая половина XVII в.) в истории индийской персоязычной литературы. Тем не менее, эпоха расцвета персоязычной литературы в Индии, поначалу ознаменовалась усилением роли тюркского языка, что, в принципе, не было ново для автохтонного населения, поскольку с давних пор завоеватели, приходящие из Средней Азии, были, по преимуществу, тюркского происхождения. Так, деятельность Фахри Харави и его книга «Раузат ас-салатин», включающая в себя множество образчиков стихов тюркских правителей Ирана и Средней Азии, была одобрительно встречена династиями Аргунов и Тарханов (тюркского происхождения), правивших в Синде.

Мы можем констатировать, что литературные связи Мавераннахра и Индии внешне выражались в массовом переселении *адибов* на субконтинент, а также обмену поэтическими *диванами* и письмами (так, например, Хасан Нисари вёл переписку с крупнейшим поэтом Индии той эпохи, Файзи Хинди). В общем, причины переселения могли быть самыми разными. Так, Мирза Баки Анджуми, учившийся в Бухаре и Самарканде, уехал в Индию из-за своего некрасивого лица. Адами Самарканди был известен, но не пользовался уважением, поэтому уехал пытаться счастья на субконтинент. Аниси 'Ираки, служивший правителю Герата 'Али-Кули-хану, бежал после захвата города узбеками. Надо сказать, что не все оставались в Индии (например, упомянутый уже Мушфики вернулся на родину). Туда могли ездить просто на заработки (как это сделал под конец жизни Мутриби Самарканди). Однако одной из главных причин столь массовой эмиграции был тот размах культурной деятельности, который наблюдается в эпоху правления Акбара. Придворное великолепие, богатые и щедрые меценаты, ореол тайны, всегда окружавший Индию, влекли туда сотни культурных деятелей со всех концов мусульманского мира. Масштабы же переселения *адибов* из Мавераннахра (как, впрочем, и из Ирана) в Индию были просто огромны. Помимо рассмотренных *адибов*, можно назвать Махрами, Захиди, последователя Абу Мухаммада Дахбиди, Харими, родившегося в кабульском *вилайате* и учившегося в Самарканде, Рашахи Балхи, Шакиби 'Ираки, Самини Ташкенти, Гайлаки Балхи, Асири, Махзуни Самарканди, Муллу Джани, 'Абд

ал-Гаффара Ташкенти, Фириби Бухари, Муллу Сун'и из Хорасана, Салихи из Герата, Бади'и Самарканди, писавшего в стиле *вуку'*, Фахми Харави, Кудси из Мавераннахра и ряд других. Эти поэты, покидая Среднюю Азию, уносили свой талант в Индию, ставшую в XVII в. центром распространения индийского стиля в персидской литературе. Тем самым они вступали в новую эпоху развития персидской литературы, составив славу своей новой родины.

В Заключении подводятся итоги исследования и приводятся основные выводы, наиболее важные из которых таковы:

— Базовыми источниками для реконструкции деятельности литературных кругов Мавераннахра XVI — первой трети XVII вв. являются три источника — «Музаккир-и ахбаб» Хасана Нисари (для первой половины XVI в.), «Тазкират аш-шу'ара» и «Та'рих-и Джахангири» Мутриби Самарканди (для второй половины XVI — первой трети XVII вв.). В этих источниках упоминается более шестисот *адибов*, так или иначе участвовавших в литературной жизни Мавераннахра указанного периода. Изучение антологии Кати'и Харави «Маджма' аш-шу'ара-йи Джахангиршахи» показало, что в данной работе она может быть использована только в качестве вспомогательного источника, дающего некоторые сведения о поэтах Мавераннахра, уехавших в Индию. Бóльшее значение последняя антология имеет для изучения ирано-индийских литературных связей.

— В начале XVI в. в Мавераннахре к власти приходят кочевые узбеки, династия Тимуридов продолжает своё существование в рамках империи Великих Моголов в Индии. В Иране утверждается власть шиитской династии Сафавидов. Эти события на первых порах приводят к некоторой изоляции указанных регионов друг от друга и усилению местных особенностей в персоязычной литературе. Тем не менее, культурные связи практически не прерываются, и их интенсивность постепенно усиливается.

— Функции поэзии и поэтов сохранялись неизменными на протяжении многих столетий. И, хотя, наиболее яркие и подробные картины, их описывающие, черпаются из источников домонгольского периода, все они практически без изменений проецируются и на литературную жизнь постклассического периода.

— Основными особенностями литературной жизни рассматриваемой эпохи были приверженность к сочинению «искусственных» стихов и широкое распространение поэзии среди низших слоёв обще-

ства. Кроме того, большую популярность приобрело сочинение суфийских стихов, быстро узнаваемых по специфической композиции стихотворения и ограниченности образов, кочующих из *газали* в *газаль*. Нельзя не отметить и существовавшего в ту эпоху двуязычия: многие поэты свободно могли писать стихи на персидском и на тюрки.

— Поначалу далеко не все представители династии Шибанидов были готовы к восприятию культуры покорённой страны, не все понимали значение хорошо организованной литературной службы как средства пропаганды (тем более, как средства получения эстетического наслаждения). Однако, ко второй половине XVI в. положение меняется, и в *тазкира* Мутриби мы видим, что многие представители династии Шибанидов более или менее активно покровительствуют культурной деятельности, некоторые из них сами пишут стихи. Аштарханиды продолжают традиции Шибанидов—Тимуридов. Здесь особенно выделяются Имам-Кули-хан и Надир-Мухаммад-хан.

— Несмотря на то, что культурная жизнь в Герате после всех нестроений XVI в. не прекратилась, лучшие силы были оттянуты в другие регионы. И если для первой половины указанного столетия источники говорят о ста пятидесяти *адибах*, то во второй половине их число ничтожно мало.

— В Самарканде рассматриваемой эпохи поначалу преобладала городская поэзия в силу невостребованности её при дворах местных правителей. Центрами литературной жизни были базарные лавки и дома отдельных ценителей прекрасного. Во второй половине XVI в. положение несколько выравнивается.

— В противоположность Самарканду, в Бухаре на протяжении практически всего исследуемого периода существовал сильный придворный литературный круг. Однако, наряду с ним, существовал и городской круг, который взаимодействовал с придворным, так что разница между ними была трудно различима. По количеству и качеству литературной продукции Бухара стояла несколько выше Самарканда.

— По оживлённости литературной жизни среди прочих областей шибанидского государства особенно выделялись города Балх и Ташкент. Первый по характеру был близок Бухаре, второй — Самарканду. Литературные круги Хисара, Ферганы и Бадахшана были не самыми большими и особой роли в общем литературном процессе не играли.

— Одной из характерных особенностей рассматриваемой эпохи было наличие теснейших культурных связей Мавераннахра и Индии, внешне выразившихся в массовом переселении *адибов* из Мавераннахра на субконтинент, а также активной переписке культурных деятелей обоих регионов.

В **Приложении** приводятся биографические сведения о поэтах, упомянутых в антологиях Мутриби и живущих за пределами Мавераннахра.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

1. *Норик Б. В.* Хасан Нисари и его тазкере «Музаккир-и ахбаб» // 300 лет иранистике в Санкт-Петербурге. Материалы международной конференции. 28-30 апреля 2003 г. СПб., 2003. С. 32–35 (0,1 печ. л.).
2. *Норик Б. В.* Жизнь и творчество среднеазиатских историков литературы XVI–XVII вв. Хасана Нисари и Мутриби Самарканда // Письменные памятники Востока. Вып. 1 (2). М., 2005. С. 183–216 (3,2 печ. л.).